

Литература

1. Ахматова А. Стихотворения и поэмы. - Л., 1989.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - 2-е изд. - М., 1990.
3. Белый А. Начало века. - М., 1990.
4. Белый А. Песнь жизни. // Белый А. Символизм как миропонимание. - М., 1994. (Мыслители XX века)
5. Белый А. Сочинения. В 2-х тт. Т.1 Поэзия; Проза. - М., 1990.
6. Бенуа А. К. Сомов. // Мир искусства. 1899. №20.
7. Богомолов Н. Талант двойного зрения. // Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. - М., 1989. (Из литературного наследия).
8. Богомолов Н. Маленькая монография "Любовь - всегдашняя моя вера..." // Богомолов Н. Михаил Кузмин: статьи и материалы. - М., 1995.
9. Иванов Вяч. Стихотворения. - Л., 1976.
10. Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. - М., 1989. (Из литературного наследия).
11. Кузмин М. Избранные произведения. - Л., 1990.
12. Кузмин М. К.А.Сомов. // Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. - М., 1979.
13. Купцова О. "Красивый деспот" Н. Евреинова и пассеизм Серебряного века. // Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. - М., 2003.
14. Муратов П. Образы Италии. Полное издание в 3-х томах. - М., 2005.
15. Пружан И. К. Сомов. - М., 1972.
16. Тынянов Ю. О пародии. // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977.
17. Шарафадина К. "И Лермонтов один выходит на дорогу..." (портрет поэта в лирике Георгия Иванова) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения - 2006): сб. науч. тр. - СПб, 2007.

И.В. Полковникова

ДЕТСТВО КАК ПРАВСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. КАВЕРИНА

В одной из своих статей В. Каверин, со свойственной для него манерой находить литературные, культурные, жизненные параллели к каждому рассматриваемому явлению, написал: "Что такое детское зрение? Чем оно отличается от зрения взрослых? Откуда возникает его неожиданная смелость, его свежий ракурс, его странная убедительная простота? Румынский скульптор К. Брынкуш сказал: "Когда мы перестаем быть детьми - мы погибли". Я бы выразился иначе: "Мы погибаем, забывая о том, что были детьми" [1, с.287]. Так обозначил писатель своё отношение к значению детства в становлении человеческой личности, в том числе, и своей.

Об этом напишет В. Каверин в своей, "самой весёлой", по его определению, книге "Освещенные окна". Главной её задачей он назовёт "самопознание", для которого важно полное выражение двух взглядов: мальчика, потом юноши, совершавшего поступки, почти необъяснимые для него самого, продиктованные прежде всего *непосредственным* чувством, и старого человека, оценивающего эти поступки с позиций своего жизненного, "целеустремленного" опыта. Здесь художественный метод писателя родствен "диалектике души" Толстого, здесь то же пристальное внимание к разным движениям души, осваивающей непонятный мир, и прежде всего мир семьи, правила отношений взрослых и со взрослыми. Некоторым образом в герое Каверина отражена и современная мифологема Ребёнка-Пришельца: его удивленное внимание придаёт привычному или случайному сущностное значение. Вспоминая себя в раннем детстве, Каверин пишет: "...меня поражало всё - и смена дня и ночи, и хождение на ногах, в то время как гораздо удобнее было ползать на четвереньках, и закрывание глаз, волшебным образом отрезавшее от меня видимый мир. Повторяемость еды поразила меня - три или даже четыре

раза в день? И так всю жизнь? С чувством глубокого удивления привыкал я к своему существованию - недаром же на детских фотографиях у меня всегда широко открыты глаза и подняты брови" [2, с.40]. Автобиографическая трилогия "Освещенные окна" даёт представление о том, какими разными каждодневными событиями была полна жизнь маленького псковича, как самоутверждался он, младший в семье, как жадно впитывал впечатления от окружавшего его мира, в котором назревала революция, враждовали демократы и монархисты, за подпольщиками охотились филёры, но "каждое утро открывались магазины, чиновники шли в свои "присутственные места", мать - в "Специально музыкальный магазин" на Плоской, нянька - на базар, отец - в музыкантскую команду". Жизнь представляется писателем как нерасчленимое целое с множеством оттенков, но начало этого пути - в детстве.

Очень важны для формирования детской и юношеской души уроки и соблазны, которые предоставляет жизнь. Для маленького Вени это соблазны хвастовства, самоуверенности, почти инстинктивного вранья с надеждой на спасительное чудо, соблазн казаться тем, кем на самом деле не являешься, стремление понравиться. Это совершенно естественные детские соблазны, которые взрослым писателем помнятся всю жизнь, потому что с их преодолением формировался характер. Для автобиографической прозы Каверина характерна и толстовская беспощадность в анализе своих детских чувств и поступков, как, например, в эпизоде третьей главки первой части. Захваченный чтением романа Гюго "Человек, который смеётся", Венья вдруг испытывает желание сделать что-нибудь загадочное, может быть, даже жестокое, что-то ранее не испытанное. И, подняв с пола сарая топор, он пугает игравшего неподалёку мальчика лет пяти, сына дворника. Осмысленный автором, этот эпизод перестаёт быть незначительным: "Мальчик втянул голову в плечи. Неужели он поверил, что я могу ударить его топором? Пугаясь самого себя, но как-то весело, радостно пугаясь, я подступал всё ближе, размахивал всё сильнее - ещё секунда, и топор, казалось, вылетел бы из рук. Вдруг мальчик бросился в сторону, далеко обогнул меня и кинулся из сарая. Почему запомнился мне этот незначительный случай? Потому что это был один из самых дурных поступков в моей жизни, не позволявший мне забыть о нём и, быть может, предупредивший другие, ещё более дурные... Но откуда взялось испугавшее меня самого чувство непонятого счастья? Не знаю. Может быть, это было счастье власти, счастье ещё не испытанной возможности подчинить другого, слабого, своей воле, своему намеренно бессмысленному желанию?" [2, с.42].

Многие нравственные уроки формируют личность в детстве и юности: для каверинского героя это примеры творчества и упорного трудолюбия всех, таких разных членов большой и талантливой семьи, способность к страстному увлечению любимым делом, общественной жизнью; уроки дружбы, любви, гражданской нетерпимости. Главный урок своей жизни писатель видел в том, что осознал необходимость ставить себя на место других людей и только потом совершать задуманные поступки. Детство и юность Каверина, как скажет он сам, прошли среди людей, которые почитали такие простые и вместе с тем сложные качества, как благородство, мужество, доброта, справедливость. В нравственном кодексе его юных героев эти качества будут основными.

Так ценимая Кавериним в Л.Н. Толстом "школа самоизучения" помогала писателю убедительно показывать психологию детства его героев: Сани Григорьева, Кати Татариновой ("Два капитана"), Татьяны Власенковой ("Открытая книга"), школьников в повестях "Загадка", "Разгадка". Успех и востребованность этих произведений в современной читательской аудитории разные. Роману "Два капитана" уже более 60-ти лет (он завершён в 1944 г.), а энергия его девиза "Бороться и искать, найти и не сдаваться", романтический пафос утверждения справедливости в борьбе с тем злом, которое и конкретно, и вечно: с завистью, ложью, предательством, карьеризмом, трусостью, рыцарское благородство главного героя, острый, напряжённый сюжет не оставляют к нему равнодушными современных читателей-подростков. Грустно, конечно, что читателей вообще становится всё меньше, но тем более заметен успех именно этого романа писателя в подростковой среде (роман предлагается и для внеклассного чтения в школе). Важно, что именно в детстве Сани Григорьева и Кати Татариновой формируются стер-

жневые черты их личностей, не случайно Саня может противостоять физической немоте (и не только с почти чудесной помощью доктора, но и с характерным для него упорством), отчиму Гаеру Кулию, обстоятельствам голодной и бесправной детдомовской жизни, Николаю Антоновичу, несправедливым обвинениям. Такой же деятельный, энергичный, целеустремленный характер отличает и Катю. Именно подростки, а не взрослые предьявляют серьёзный нравственный счёт тем, кто нарушает справедливость – это главное условие гармонии жизни.

Детский мир самого писателя и его героев немислим без чтения, без книг. В "Освещенных окнах" Каверин немало страниц посвятил любимому занятию - чтению, осмысляя себя в этом особенном качестве - читателя. Сказки, Фенимор Купер, Диккенс, Виктор Гюго, Стивенсон, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Чарская... Психологически точно определены им особенность и значение детского чтения. " Мне кажется, что главная черта детского чтения - театр для себя, непреодолимая и естественная склонность к театральной игре. Любовь к превращению себя в других, начинающаяся очень рано, с двух- трёхлетнего возраста, сопровождается беспрестанной инсценировкой, в которой действуют созданные детской фантазией маски" [2, с.109]. Так же страстно и увлеченно, по-детски хаотично читает и Катя Татаринова: в "Дубровском" для неё принципиально важно, почему Маша за Дубровского не вышла, "Елену Робинзон" знает наизусть (как и Саня), а биографиями замечательных мореплавателей и завоевателей 15 и 16 веков в "Столетия открытий" буквально бредит.

Говоря о природе своего творчества, о писательской культуре, о источниках вдохновения, Каверин называет себя "книжником". Конечно, он имеет в виду прежде всего непрекращающийся литературный диалог, питающий его художественную мысль, но оценивает и саму культуру чтения, дающего душе, особенно юной, возможность приобрести опыт переживаний, разных человеческих состояний, "виртуальных" действий. Пользуясь языком современной педагогики, можно бы назвать детское и юношеское чтение "профильным" воспитанием души для взрослой жизни.

Написанные в жанре "школьной повести" рассказы "Загадка" (1984) и "Разгадка" (1985) имеют гораздо меньшую популярность в читательской среде, чем остальные произведения писателя. Видимо, несколько прямолинейен их педагогический пафос. Писатель посвятил эти повести педагогам и обратился к тем проблемам школы, которые особенно отчётливо обозначились в 80-х годах: школьная процентомания, равнодушие, обезличенные отношения учителей и учеников, непонимание взрослыми проблем и внутреннего мира своих воспитанников. Интерес В. Каверина к школе неслучаен, ведь школьные проблемы всегда отражали нравственное состояние общества.

В школьных повестях 70-80 годов отчетливо обозначился интерес к "трудным" ученикам, антилидерам. Отказ от идеализации школьного коллектива и психологическое изображение школьных проблем с их социальным контекстом особенно ярко проявились в произведениях А. Алексина, В. Железникова, А. Лиханова, В. Тендрякова - признанных классиков детской и юношеской литературы. В этом ряду повести Каверина не остались незаметными. Каверину писали учителя, почувствовавшие очень личное, тревожное отношение писателя к тому, что происходит в современной школе. Надо сказать, что педагогическое значение рассказов не устарело до сих пор, например, в практикуме для студентов педагогических институтов О.П. Морозовой "Педагогические ситуации в художественной литературе" [3] не раз для педагогического тренинга предлагаются примеры из "Загадки" и "Разгадки". Например, приводя разговор учительницы Галины Петровны с её старшим коллегой, автор предлагает студентам ответить, почему жизнь школьников, своих учеников, многие учителя воспринимают как "неведомую и неназванную"? В чём опасность, когда в школе учителя и ученики говорят одно, а думают другое?

В этих рассказах художественная манера писателя узнаваема: повествование от имени героя-рассказчика, что придаёт особую убедительность и достоверность изображаемому, стилизованное разноголосие (вот рассказывает сорокалетняя учительница-неудачница, а вот - типичный "трудный" ученик Пётр Бугаев, и одно и то же событие предстаёт в разном свете, зас-

тавляя читателя разгадывать истину), психологическая достоверность персонажей и точное описание их бытового окружения, продуманность сюжетных коллизий, остро поставленные нравственные вопросы. Эти вопросы герои задают прежде всего себе, и они не имеют однозначного решения.

Сюжет обоих рассказов объединяет трагическое событие. Погибает, переплывая реку Росстанную, когда открыты шлюзы и течение становится бурным и опасным, десятиклассник Паша Перов. Это любимый авторский тип героя: очень талантливый художник, увлечённый творчеством юноша, благородный и верный, из тех, не боится брать на себя ответственность, кто "с малолетства человек полный", по Платонову. Это до некоторой степени идеальный герой, в котором гармонично сочетаются лучшие нравственные и творческие качества. Он гораздо более взрослый в своей юности, чем его непутёвая мать, чем его незадачливая учительница, чем его самоутверждающиеся одноклассники. Его любовь, лишённая эгоизма (и к матери, и к Нине), своей чистотой противопоставлена нравственной неразборчивости окружающих. Только если, например, раньше в сказках Каверина такая любовь оказывалась единственным спасительным средством, то здесь она гибнет. От равнодушия? Расчетливости? Необдуманности?

Каверину близка мысль о том, что дети и взрослые - это два разных мира, где нравственный перевес и способность к пониманию истинного всегда на стороне детей. В его книгах это часто проявляется в семейных отношениях, для школы же, претендующей на роль общественного идеолога и воспитателя детей и юношества, такое положение особенно тревожно.

Как психолог, рассматривает Каверин разные типы школьных отношений, коллективов, типы лидеров, изгоев, учителей. Героиня и рассказчик рассказа "Загадка" - руководительница 9 класса Галина Петровна, тётушка Ло, как зовут её ученики. Её личный опыт очень беден и часто замещается наблюдениями над опытом других людей. Человек честный и порядочный, совестливый, она не берётся судить людей, ни взрослых, ни детей. А вот понять их ей хочется. И она понимает, что в коллективе шестнадцатилетних подростков нет "общего лица", все ученики разные. Но общей является атмосфера школьного лицемерия, обывательской зависти к тем, кто чем-то отличается: красотой, модной одеждой, положением родителей, смелостью выделиться среди других. Мысли самого писателя слышатся в словах старого учителя Николая Егоровича: " Вы прекрасно знаете своих ребят, и вы их не знаете. Жизнь раздала им роли, и они их играют - одни умело, другие неумело. Они живут в атмосфере привычного притворства, настолько привычного, что они его даже не замечают. Перед нами проходит неведомая, неназванная жизнь. И самое страшное, что все эти Нины, Олеги и Паши - в сущности, прекрасные люди, которые ждут, когда мы им напомним об этом. А мы, проверяя их знания, беспомощно останавливаемся перед их сознанием" [4, с.357].

Сознание своих героев Каверин проверяет отношением школьников к первой любви. В традициях русской литературы, он ставит молодых героев перед нравственным выбором, перед испытанием.

Вот Олег Рязанцев. Внешне - типичный положительный ученик. Круглый отличник, активист в комсомольской работе, держится сдержанно, с достоинством, опрометчивых поступков не делает. Своё чувство превосходства над одноклассниками он хорошо скрывает, но всё, что он делает, подчинено одной честолюбивой цели - поступить в престижный вуз (Олег хочет стать дипломатом). А для этого, по расчёту, нужны твёрдые знания (и родители нанимают репетиторов), хорошая характеристика (отсюда общественная активность, осторожность в поведении и отношениях). Его истинные чувства и мысли никому не открыты, делать подлости он предпочитает чужими руками. Уже в школьном возрасте тренируется юноша в создании авторитета, имиджа "успешного человека" - и преуспевает. Такие всегда доходят до "степеней известных". И даже на похоронах одноклассника Рязанцев, может быть, единственный, знающий истинную причину его гибели, произносит красивую и лживую речь, словно проверяя свои ораторские способности, засыпает могилу цветами, принимая очередную красивую позу. Он неуязвим, впрочем, как и его родители. Тип такого героя имеет много общего с Николаем Антоновичем из "Двух капитанов": они лишены творческого начала, наделены слишком серь-

ёзным отношением к самим себе, не сомневаются в своей правоте. В каверинской прозе такие черты почти всегда отличают Зло.

Сложнее и загадочнее образ Нины Порошиной. Тихая, ясная красавица, в которую влюблены все мальчики из девятых и десятых классов, - из трудовой и вполне благополучной семьи. Она одарена от природы красотой и искусными руками, внешне в ней всё бесконфликтно, но учительница угадывает в этой девочке "внутреннее достоинство, гордость не девочки, а женщины, живущей сложной, заслуживающей уважения жизнью". В трагической истории её роль до конца не прояснена, но, возможно, страшна, о чём и спрашивает себя Галина Петровна: "Неужели всё это было игрой? ... неужели Паша был игрушкой в их руках и сама его смерть не отдалила, а сблизила их?" Именно в поведении тихой Нины учительница ощущает ту пропасть между своими представлениями о любви и отношением к этому чувству своих учеников.

Проще и совестливей оказывается трудный и неблагополучный Бугаев. Его попытки самоутвердиться, выделиться среди других, может быть, самые бескорыстные. Его хулиганство и грубость, дерзость и честность благороднее и достойнее, чем общая тина притворства. Но в "Разгадке", где центральное событие этой дилогии рассказов показано глазами Бугаева, настоящей разгадки, собственно, и нет. Видимо, как не может быть единственной правды в столь сложных отношениях разных людей. Зато автор "назвал" эту неведомую взрослым жизнь и выразил свою тревогу о ней.

Можно понять, как беспокоила В.А. Каверина утрата молодым поколением ощущения чистоты и романтического благородства, какую опасность видел он в юношеской рассудочности и деловой расчётливости, если, размышляя в послесловии "Эпилога" о "немоте" в русской литературе восьмидесятых годов 20 века, обращается к школе, где созревает нравственность молодого поколения.

Литература

1. Каверин В.А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. - М.: Современник, 1989.
2. Каверин В.А. Освященные окна. Роман. - М.: Современник, 1976.
3. Морозова О.П. Педагогические ситуации в художественной литературе. - М.: ACADEMIA, 2001.
4. Каверин В.А. Летящий почерк: Романы и рассказы. - М.: Художественная литература, 1986.

С.Л. Константинова

"ЗАКОН ПАРАДОКСА" В ПОЭТИКЕ ВС. НЕКРАСОВА

Говоря о жанровых тяготениях свободного стиха, исследователи выделяют два основных типа текстов: "удлинённый", отличающийся "... ощутимым вторжением эпического начала" и строящийся обычно "... как перечисление или градация тех или иных явлений и переживаний", и другой тип, характеризующийся "... небольшим объемом" и являющийся "... образцом "одномоментного выражения переживания в образе" [9, с. 90]. Как показало исследование Ю.Б. Орлицкого, последний тип "... распадается на два подтипа, один из которых является чисто "логическим", другой может быть назван "образным". И тот и другой подтип в первую очередь характеризуются изображением моментального, единичного переживания (или мысли), тяготеют к дедуктивной форме рассуждения" [9, с. 90]. По наблюдению ученых, такого рода "философскую или психологическую миниатюру", названную Д. Кузьминым верлибром "классического" типа ("классический верлибр" *Владимира Бурича*, *Вячеслава Куприянова* и *Арво Метса*" [2, с. 447]), отличают ясность изложения, эмоциональная отчетливость, риторичность и афористичность.